— Правда? — Цзян Шуймэй расплакалась от счастья, ее слезы градом покатились из глаз.

— Правда, правда. Ох, мое сердечко, мое сокровище, ну не плачь же… — Лян Шицзинь прижал Цзян Шуймэй к груди, лихорадочно подсчитывая в уме расходы. Серебра, вырученного за Восемнадцать архатов, было немного, а ему еще предстояло покупать себе чиновничью должность. Теперь же к расходам добавился выкуп Цзян Шуймэй. Если придется платить всю сумму разом, он рисковал разориться до нитки. Подумав об этом, он произнес: — Шуймэй, сейчас я провожу одну крупную сделку, свободных денег на руках почти нет. Побудь в Павильоне Юньянь еще немного, как только придет время — я немедленно заберу тебя отсюда. Хорошо?

— Хорошо. Раз господин помнит о своем обещании, я готова ждать сколько угодно.

— Умница.

…

После того как они еще некоторое время поворковали, Лян Шицзинь с неохотой покинул Павильон Юньянь.

Он размышлял: у девиц из Павильона Юньянь так много покровителей, что, если кто-то другой положит глаз на Цзян Шуймэй? Нет, это невозможно. Нужно почаще приходить сюда и делать ей подарки, чтобы привязать ее сердце к себе, чтобы в ее глазах и мыслях был только он один.

Но на подарки тоже нужны деньги. Лян Шицзинь тяжело вздохнул, и вдруг в его голове созрел коварный план. На его лице появилась улыбка, и он прибавил шагу.

Не обязательно покупать подарки за свои. Его супруга помешана на украшениях — за долгие годы в доме их скопилась целая гора. Если он возьмет парочку тайком, жена наверняка и не заметит.

Супруга Лян Шицзиня сама была из купеческой семьи и весьма богата. Когда дела Лян Шицзиня шли плохо, ее родня неоднократно помогала ему деньгами, позволяя пережить самые тяжелые времена. И хотя жена его была сварливой мегерой, запрещавшей заводить наложниц, Лян Шицзиню приходилось терпеть и молча повиноваться.

Однако, когда он добьется желаемой должности, ему больше не придется считаться с мнением жены. Тогда он сможет заводить столько наложниц, сколько захочет.

При этой мысли на лице Лян Шицзиня отразилось искреннее удовольствие — он словно уже видел себя облаченным в чиновничье одеяние.

Вернувшись домой и расспросив служанку, он узнал, что жена отправилась в чайную слушать

представления. Это было как нельзя кстати. Лян Шицзинь прошел в спальню, закрыл за собой дверь, сел перед зеркалом и открыл шкатулку с украшениями своей супруги.

## Глава 7. Мольба

Чжао Юань закрыл серебряную шкатулку с фигурками Восемнадцати архатов и сказал Ли Ди: — Отнеси это в кладовую. В час змеи придет хозяин Лао и привезет сто рулонов ткани лобу. Пересчитаешь, проверишь, чтобы не было ошибок, и велишь приказчикам перенести товар в лавку. Я пойду в ломбард и к полудню не вернусь.

Ли Ди ответил: — Слушаюсь. — Он подхватил шкатулку и направился в сторону кладовой.

Как только Чжао Юань вышел за ворота, он увидел, что соседняя дверь распахнута настежь. Се Цзючэнь, одетый в лазурные одежды, стоял у порога, а перед ним — Ли Гу в обносках. Чжао Юань, уже было шагнувший вперед, замер и спрятался за каменным львом, наблюдая за происходящим у особняка Се.

Ли Гу сгорбился и потер глаза: — Господин Се, у меня на попечении пятидесятилетние отец и мать, да еще десятилетний ребенок — все они тяжело больны, и мне срочно нужны деньги. Но я опустился до такой нищеты, что мне не на что жить, и даже если я буду есть лишь по одной лепешке в день, мне все равно не наскрести ни гроша. Господин, смилуйтесь, подайте хоть сколько-нибудь. Ведь говорят же: спасти одну жизнь — что возвести семиэтажную пагоду. А ведь здесь три жизни, нет, четыре! Это же… это же двадцать… двадцать восемь уровней пагоды!

Се Цзючэнь не знал Ли Гу в лицо, но был наслышан о нем и его делах от Яо Шиюня. Он разглядел на левой щеке человека перед собой ужасный, еще не заживший шрам, похожий на след от железного гвоздя. Место, характер раны и личность — всё сходилось. Он догадался, что это и есть тот самый нищий Ли Гу, что затаил злобу на Чжао Юаня.

Он вспомнил Чжао Юаня, его холодный, суровый взгляд и ту самую звонкую песенку, что напевали на улицах. Глядя на Ли Гу, Се Цзючэнь на мгновение замер.

Ли Гу не знал, о чем размышляет Се Цзючэнь. Он лишь слышал, что молодой господин Се вернулся и славится своей безграничной добротой. Услышав новости, Ли Гу тут же примчался сюда — в городе Хуаси появилась новая жертва для обмана, как же он мог упустить такой шанс?

Он зарыдал навзрыд и продолжил: — Бедный мой старый отец, всю жизнь трудился, лицо его изрезано морщинами, как ветром. Он вырастил меня, а я оказался таким никчемным, что, когда он заболел, я не смог найти даже одного ляна серебра. Не то что на лекарства — даже на лекаря денег нет… Бедная моя старушка-мать, она так больна, но не хочет отдыхать. Каждый день, пока меня нет, она тайком встает и берется за шитье, надеясь, что удастся вышить хоть немного и накопить денег на лечение внука. Она совсем себя не жалеет, не думает о своем теле, только о моем ребенке… А мой бедный малыш? Он так рано потерял мать, я один заменял

ему и отца, и мать, как мог, вырастил до десяти лет. Но кто бы мог подумать, что и его поразит эта странная болезнь? Теперь он не может ни есть, ни ходить, днями лежит в постели и стонет от боли, а я только смотрю и ничего не могу сделать, ничем не могу ему помочь… Господин, молю, смилуйтесь, спасите всю мою семью. В следующей жизни я стану для вас волом или лошадью, кошкой или собакой, чтобы отплатить за вашу доброту…

Чжао Юань, прячась в тени, презрительно усмехнулся. Ли Гу — сирота, откуда у него родители? У него никогда не было денег даже на жену, откуда взяться ребенку? Ли Гу лгал, не моргнув глазом, но при этом говорил так искренне и с таким надрывом, что, не знай Чжао Юань его истинную натуру, он бы и сам поверил. Видя, как Се Цзючэнь колеблется, Чжао Юань чуть было не вышел из укрытия, чтобы сказать: не дай себя обмануть. Но разум удержал его. Он уже однажды помог Се Цзючэню, но тот не оценил помощи. Се Цзючэнь — святоша с сердцем бодхисаттвы, а он — расчетливый делец. Что бы ни делал Се Цзючэнь, его это больше не касается.

Хотя Се Цзючэнь понимал, что слова Ли Гу, скорее всего, ложь, нищий плакал так искренне и горько. Взгляд Се Цзючэня упал на соломенные сандалии Ли Гу: носки их протерлись, обнажая потрескавшуюся кожу ступней. Се Цзючэнь достал из складок одежды несколько серебряных обломков и вложил их в руку Ли Гу: — Эти деньги — сущий пустяк, но, пожалуйста, возьми их.

Ли Гу крепко сжал серебро и спрятал в свой рваный мешочек. Он ухватился за подол одежды Се Цзючэня и пробормотал: — Господин, господин, вы мой спаситель… Пусть этих денег и мало, но я куплю родным мяса и овощей. И когда они отправятся на Желтый источник, им не будет так обидно, что за всю свою жизнь они так и не попробовали ничего вкусного…

http://bllate.org/book/34829/4298708